

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Орхан Памук

ЧУМ- НЬЕ НОЧИ

Книги Памука
написаны столь изящно,
с таким глубоким вниманием
и уважением к героям,
что чтение их походит на сон,
полный любви и веры.

People

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Оглавление

[Предисловие](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Много лет спустя](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Орхан Памук

ЧУМНЫЕ НОЧИ

Издательство «Иностранка»
Москва

Orhan Pamuk
VEBA GECELERI
Copyright © 2021, Orhan Pamuk
All rights reserved

Перевод с турецкого Михаила Шарова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Памук О.

Чумные ночи : роман / Орхан Памук ; пер. с тур. М. Шарова. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-20691-5

16+

Орхан Памук — самый известный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Его новая книга «Чумные ночи» — это историко-детективный роман, пронизанный атмосферой восточной сказки; это роман, сочетающий в себе самые противоречивые темы: любовь и политику, религию и чуму, Восток и Запад. «Чумные ночи» не только погружают читателя в далекое прошлое, но и беспощадно освещают день сегодняшний.

Место действия книги — небольшой средиземноморский остров, на котором проживает как греческое (православное), так и турецкое (исламское) население. Спокойная жизнь райского уголка нарушается с приходом страшной болезни — чумы. Для ее подавления, а также с иной, секретной миссией на остров прибывает врач-эпидемиолог со своей женой, племянницей султана Абдул-Хамида Второго. Однако далеко не все на острове готовы следовать предписаниям врача и карантинным мерам, ведь на все воля Аллаха и противиться этой воле может быть смертельно опасно...

Впервые на русском!

© М. С. Шаров, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

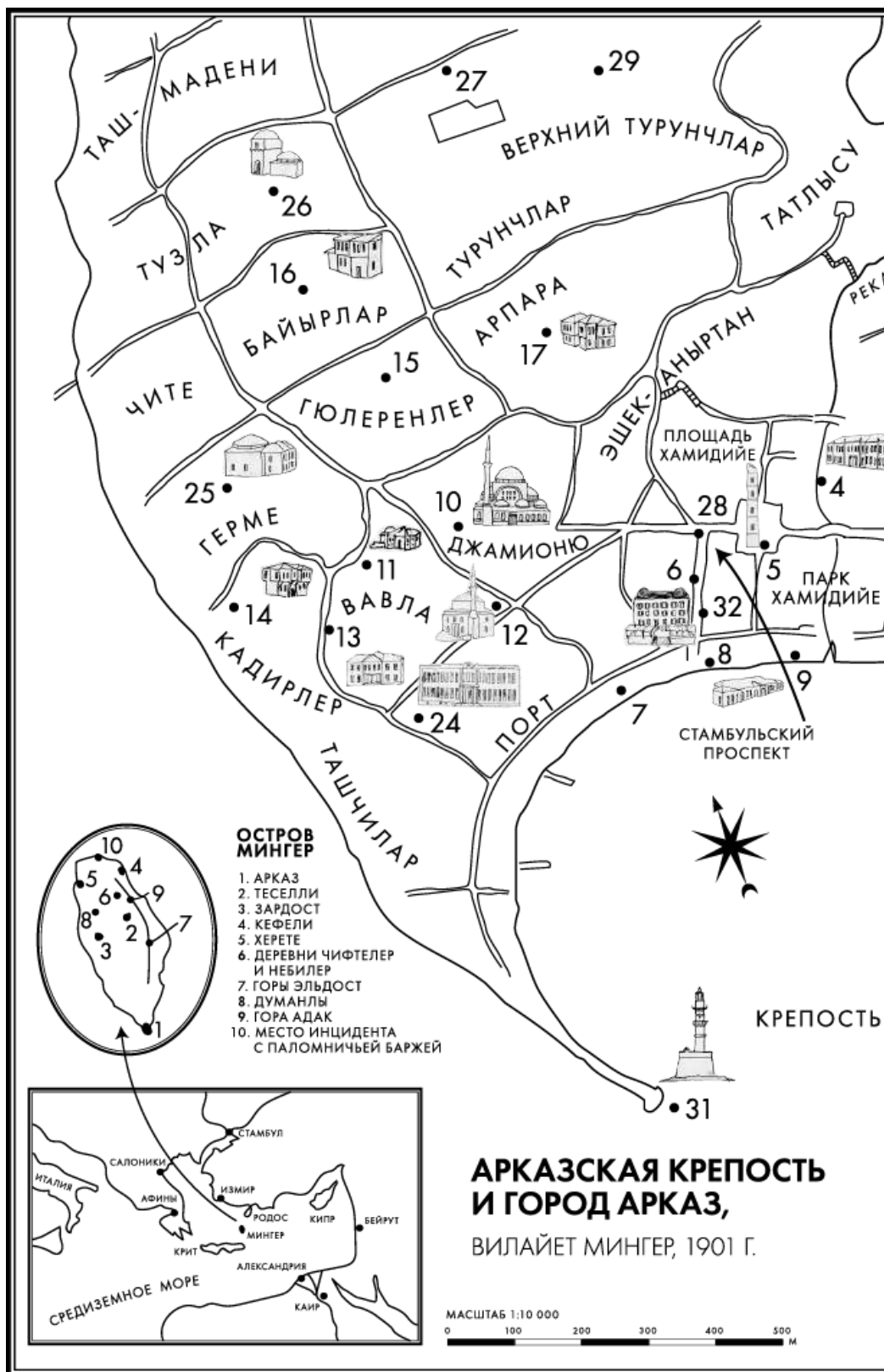
При приближении опасности всегда два голоса одинаково сильно говорят в душе человека: один весьма разумно говорит о том, чтобы человек обдумал самое свойство опасности и средства для избавления от нее; другой еще разумнее говорит, что слишком тяжело и мучительно думать об опасности, тогда как предвидеть все и спастись от общего хода дела не во власти человека, и потому лучше отвернуться от тяжелого, до тех пор пока оно не наступило, и думать о приятном.

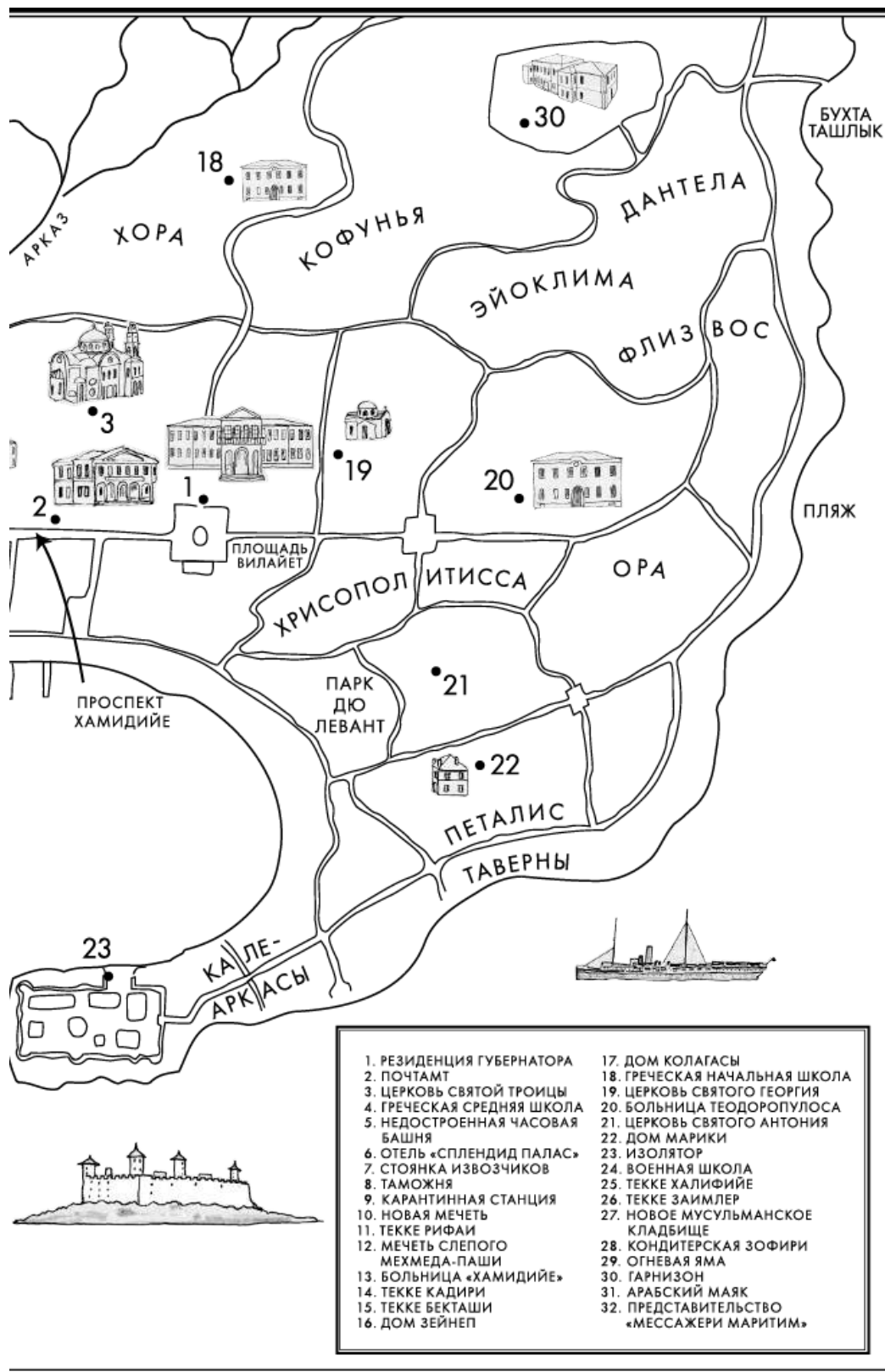
Лев Толстой. Война и мир

Ни один писатель последующей эпохи не ставил себе задачей изучить и сравнить эти мемуары, чтобы составить из них непрерывную цепь событий, последовательную историю этой чумы.

Алессандро Мандзони. Обрученные¹

¹ Перевод Н. К. Георгиевской и А. М. Эфроса. — Здесь и далее примечания перев.

Хочу выразить благодарность моему другу-историку Эдхему Эльдему, чьи советы и поправки немало помогли мне на последнем этапе работы над книгой.

О. Памук

Предисловие

Эта книга — исторический роман, но одновременно и написанное в форме романа историческое исследование. Повествуя о самых тревожных и насыщенных событиями шести месяцах, которые когда-либо случалось переживать жителям острова Мингер, этой жемчужины Восточного Средиземноморья, я присовокупила к рассказу и некоторые сведения об истории моей родины, которую я так люблю.

Я занималась исследованием эпидемии чумы 1901 года и в какой-то момент почувствовала, что, для того чтобы понять мотивы поступков некоторых людей в тот короткий, но полный драматических событий период, сухой исторической науки недостаточно — необходимо воспользоваться средствами художественной литературы. Так я и сделала — попыталась соединить историю с литературой.

Но пусть читатель не думает, будто к работе меня подвигли мысли о высокой литературе. Началось все с того, что в руки мои попали письма — письма, настолько замечательные, что мной овладело желание написать о них. Мне поручили подготовить к печати и прокомментировать 113 писем Пакизе-султан, третьей дочери Мурада V², отправленных ею в 1901–1913 годах старшей сестре Хатидже-султан. Роман, к чтению которого вы приступаете, изначально замышлялся как предисловие научного редактора.

Предисловие разрасталось, наполнялось подробностями, почерпнутыми мною за время моих штудий, и в конце концов превратилось в книгу, которую вы держите в руках. Должна признаться, что прежде всего я была очарована личностью милой и необычайно чувствительной Пакизе-султан, ее стилем и

умом. Она обладала столь редким — как среди историков, так и среди романистов — талантом рассказчика, интересом к подробностям и желанием поделиться с читателем тем, что знает и чувствует. Я провела немало лет, изучая в английских и французских архивах донесения консулов, работавших в портовых городах Османской империи, написала на этом материале докторскую диссертацию и несколько монографий. Ни один из этих людей не передал схожие события, дни чумы или холеры, с такой глубиной и блеском, как это сделала Пакизе-султан; ни в одном из их донесений не чувствуется столь явственно атмосфера османского порта, заставляя читателя узреть воочию краски восточного базара, услышать крики чаек и скрип тележных колес. Должно быть, именно полный жизни рассказ дочери султана, удивительно восприимчивой к людям, явлениям и событиям, навел меня на мысль превратить предисловие в роман.

Читая ее письма, я задавалась вопросом: не потому ли Пакизе-султан описала события ярче и подробнее всех историков и иностранных консулов, что была женщиной? Не будем забывать, что в дни чумы она почти не выходила из своей комнаты в гостевых покоях резиденции губернатора и о происходящем в городе знала из рассказов мужа-доктора. Пакизе-султан не только воссоздала в письмах мир мужчин, политиков, чиновников и врачей, но и смогла представить себя на их месте. Вот и я, работая над своим романом-хроникой, старалась воскресить для читателя этот мир. Разумеется, быть такой же открытой, яркой и жадной до жизни, как Пакизе-султан, очень непросто.

Замечательные ее послания, которые, будучи опубликованы, составят том не менее чем в шестьсот страниц, увлекли меня, конечно, и потому еще, что сама я провела детство на острове Мингер. Девочкой я встречала имя Пакизе-султан в школьных учебниках,

газетных статьях и горячо любимых еженедельных журналах для детей («Наш остров» и «Увлекательная история»), где печатались героические сказки и комиксы, и чувствовала к ней какое-то особенное расположение. И если многим Мингер представляется таинственным островом из сказок и легенд, то для меня таким же сказочным ореолом всегда была окружена Пакизе-султан. И когда в руки мои неожиданно попали ее письма, открыв мне повседневные заботы и подлинные чувства моей сказочной героини, я была очарована силой ее личности и искренностью. Добравшись до конца книги, терпеливый читатель увидит, что мне суждено было познакомиться с ней и по-настоящему.

В реальности мира из писем я уверилась, еще когда работала в стамбульских, мингерских, английских архивах, читала документы и мемуары того времени. Однако, взявшись за написание исторического романа, я не могла отделаться от ощущения, что порой отождествляю себя с Пакизе-султан и словно бы рассказываю историю своей собственной жизни.

Мастерство писателя определяется тем, насколько он способен рассказывать о пережитом как о случившемся с кем-то другим, а чужой опыт описывать как собственный. Поэтому мне легко было поверить, что, представляя себя дочерью султана, я поступаю так, как положено писателю. Куда сложнее было представить себя на месте облеченных властью мужчин, пашей и врачей, руководивших борьбой с эпидемией.

Поскольку роман и формой своей, и духом похож скорее на историю, в которой действует множество людей, нежели на рассказ об одном человеке, происходящие в нем события должны быть показаны с самых разных точек зрения. С другой стороны, великий романист Генри Джеймс, в котором женского было больше, чем во всех других писателях, полагал — и я с

ним согласна, — что для пущей убедительности все события во всех их подробностях читатель должен видеть глазами одного героя.

Однако я писала не просто роман, но роман-исследование и потому частенько не то что не следовала этому правилу, а шла вопреки ему. То в самых драматических местах принималась знакомить читателя с цифрами, историческими фактами и сведениями. То, описывая сложные переживания одного героя, перескакивала на мысли другого, о которых первый не знал и знать не мог. А то пускалась в рассуждения о том, будто свергнутый с трона султан Абдул-Азиз³, по убеждению многих, покончил жизнь самоубийством, хотя нисколько не сомневаюсь, что это было убийство. Словом, я старалась взглянуть на яркий мир, изображенный в письмах Пакизе-султан, глазами некоторых других его обитателей, чтобы придать книге исторической объективности.

Как попали ко мне эти письма? Почему я не опубликовала их, прежде чем браться за роман? Насколько серьезно воспринимаю я детективную линию сюжета? Эти вопросы мне задавали очень часто, но здесь я отвечу лишь на последний из них. Надо сказать, что идею романа поддержали мои коллеги-историки, которым я рассказывала об убийствах, упоминавшихся в письмах, и о страсти султана Абдул-Хамида⁴ к романам. Ободрил меня также интерес, который проявило к идее детектива и к истории маленького острова Мингер такое уважаемое издательство, как «Кембридж юниверсити пресс». Разумеется, тайны и значение чудесного мира, который я много лет с великим наслаждением старалась воссоздать, куда глубже и важнее, чем ответ на вопрос о том, кто убийца. Этот ответ может быть, самое большее, зна́ком, подсказкой. Интерес к детективной линии превратит всю книгу, начиная со слов величайшего исторического романиста

Толстого в эпиграфе и этого предисловия, в целое море подсказок.

Некоторые критиковали меня за то, что я слишком много полемизирую с популярными и официально признанными историками (хотя и не упоминаю их имен). Возможно, эти упреки справедливы. Но сделала я это потому, что отношусь к популярным и любимым читателями историческим книгам очень серьезно.

В предисловии к каждой книге, посвященной истории Востока, Леванта⁵ и Восточного Средиземноморья, затрагиваются вопросы передачи букв древних алфавитов с помощью латиницы. Я рада, что мой роман не пополнил ряды этих скучных сочинений. Впрочем, мингерский язык и мингерский алфавит не похожи ни на какие другие! Некоторые местные топонимы я передавала по буквам, как они пишутся, другие — по звукам, как они слышатся. То обстоятельство, что один из мингерских городов называется совсем как город в Грузии, объясняется простым совпадением. Однако если многое в моей книге покажется вам смутно знакомым, словно давние, полузабытые воспоминания, — знайте, что это не случайность. Так и было задумано.

*Мина Мингерли
Стамбул, 2017*

² *Мурад V* (1840–1904) — 33-й султан Османской империи, правивший несколько месяцев в 1876 году.

³ *Абдул-Азиз* (1830–1876) — 32-й султан Османской империи, правивший в 1861–1876 годах.

⁴ *Абдул-Хамид II* (1842–1918) — 34-й султан Османской империи, правивший в 1876–1909 годах.

⁵ *Левант* — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирии, Ливана, Палестины, Израиля, Иордании, Египта, Турции и др.).

Глава 1

В 1901 году пароходу, отправляющемуся из Стамбула, нужно было четыре дня, пылая черным угольным дымом, идти на юг, а затем, миновав Родос, еще полдня продвигаться по опасным и бурным южным водам в сторону Александрии, и только тогда взору пассажиров являлись стройные башни Арказской крепости на острове Мингер. Поскольку остров лежал на линии, соединяющей Стамбул и Александрию, таинственный силуэт крепости могли с восхищением и любопытством наблюдать издалека пассажиры многих пароходов. Порой какой-нибудь капитан, натура утонченная, приметив на горизонте волшебное зрелище, «алмаз зеленый в розовой оправе» (Гомер, «Илиада»), приглашал пассажиров на палубу насладиться видом Мингера, и художник, отправляющийся в путешествие по Востоку, торопился запечатлеть романтический пейзаж, украсив его грозowymi тучами.

Но лишь немногие корабли приставали к острову. В те времена только три парохода совершали еженедельные рейсы на Мингер: «Сахалин», чей пронзительный гудок был знаком каждому жителю острова, «Экватор», обладающий голосом более басовитым (оба принадлежали компании «Мессажери маритим»⁶), и «Зевс», изящное судно критской компании «Пантелеймон», подававшее сигнал очень редко и коротко. Поэтому прибытие 22 апреля 1901 года, когда начинается наш рассказ, за два часа до полуночи, парохода, не предусмотренного расписанием, было чем-то из ряда вон выходящим.

Остроносый корабль с тонкой белой трубой, который тихо, словно соглядатай, приближался к Мингеру с севера, носил название «Азизийе» и плыл под флагом

Османской империи. На его борту находилась делегация высокопоставленных сановников, которую султан Абдул-Хамид II отправил в Китай с весьма важной миссией. Семнадцать человек в фесках, кавуках⁷ и шляпах, религиозные деятели, военные, чиновники и переводчики. В последний момент Абдул-Хамид повелел включить в делегацию свою племянницу Пакизе-султан, которую недавно выдал замуж, и ее супруга, дамата⁸ доктора Нури. Счастливые, взволнованные и немного растерянные новобрачные так и не смогли понять, зачем их отправляют в Китай, хотя много об этом говорили друг с другом.

Пакизе-султан, как и ее старшие сестры, не любила своего дядю и была уверена, что Абдул-Хамид включил их с мужем в делегацию с какой-то тайной, дурной целью. Но в чем состояла эта цель, ей пока было невдомек. В те дни некоторые дворцовые сплетники утверждали, будто султан отправляет новобрачных подальше из Стамбула, чтобы они сгинули где-нибудь на просторах Азии или в аравийских пустынях от желтой лихорадки либо холеры. Другие же напоминали, что целей Абдул-Хамида нипочем не уяснишь до завершения затеянной им игры. Дамат Нури был настроен более благодушно. К своим тридцати восьми годам он успел прославиться как блестящий врач-эпидемиолог. Ему не раз случалось представлять Османскую империю на международных медицинских конференциях. Благодаря успехам, достигнутым им в своей области врачебного дела, его имя стало известно Абдул-Хамиду, и тот пожелал познакомиться с доктором. Пообщавшись с султаном, Нури-бей удостоверился в том, что знали многие его коллеги: интерес повелителя Османской империи к успехам европейской медицины не уступал его любви к детективным романам. Султан внимательно следил за последними достижениями в области микробиологии и

вакцинации и желал применять новшества на практике в Стамбуле и на всех подвластных ему землях. Кроме того, узнал доктор Нури, Абдул-Хамид осведомлен, что из Азии, из Китая на Запад проникают новые заразные болезни, и весьма этим обеспокоен.

В Восточном Средиземноморье царил штиль, и «Азизийе», прогулочный пароход султана, продвигался на юг быстрее, чем ожидалось. По пути он зашел в Измир⁹, хотя эта остановка и не значилась в заранее объявленном маршруте. Пока пароход приближался к окутанной легким туманом пристани, члены делегации один за другим поспешили по узкому трапу на капитанский мостик, желая узнать причину задержки, и выяснилось, что «Азизийе» должен принять на борт таинственного пассажира. Капитан, русский моряк на службе у османского султана, утверждал, будто и сам не знает, что за человека должен забрать в Измире.

А загадочным пассажиром был главный санитарный инспектор империи, знаменитый химик и фармацевт Бонковский-паша. Этот уже утомленный жизнью, но все еще подвижный шестидесятилетний человек, главный фармацевт султана, заложил основы современного аптекарского дела в Османской империи. В прошлом он с переменным успехом занимался коммерцией: изготавливал розовую воду и духи, продавал минеральную воду в бутылках, владел несколькими фармацевтическими компаниями. В последние же десять лет сосредоточился на государственной службе: возглавлял санитарную инспекцию империи, готовил для Абдул-Хамида доклады о распространении холеры и чумы и неустанно ездил из города в город, из порта в порт, от одного очага эпидемии к другому, чтобы от имени султана надзирать за соблюдением необходимых карантинных и санитарных мер.

Бонковский-паша много раз участвовал в международных эпидемиологических конгрессах. За

четыре года до описываемых событий он подал султану Абдул-Хамиду «записку» о мерах, которые надлежит принять империи для искоренения пришедшей с Востока чумы. Затем был отправлен в Измир, дабы погасить вспышку чумы в греческих кварталах города. Да, в Османскую империю, измученную эпидемиями холеры, уже занесли с Востока новую заразу — чумную палочку, свирепость которой («вирулентность», как говорили ученые доктора) то усиливалась, то слабела.

Бонковский-паша покончил с эпидемией чумы в Измире, самом большом османском порту Восточного Средиземноморья, за шесть недель. Сделать это удалось потому, что горожане подчинились требованию не покидать дома, не нарушали санитарных кордонов, охотно соблюдали все запреты и помогали городским властям и полиции уничтожать крыс. Весь город пропах дезинфектантами, которыми пожарные поливали улицы из шлангов. Газеты — не только местные «Ахенк» и «Амальтея» и стамбульские «Терджуман-и Хакикат» и «Икдам», но также французские и английские, — следившие за шествием чумы из одного портового города в другой, посвящали успехам карантинной службы Османской империи хвалебные статьи. Доктор Бонковский, поляк, родившийся в Стамбуле, был известен в Европе и пользовался там уважением. Унеся жизни семнадцати человек, чума отступила. В Измире вновь открылись причалы, набережные, таможни, лавки и базары, возобновились занятия в школах.

Высокопоставленные пассажиры парохода «Азизийе», наблюдавшие с палубы и из иллюминаторов своих кают, как паша (это звание султан Абдул-Хамид присвоил главному фармацевту пять лет назад) и его помощник поднимаются на борт, знали об успехах карантинных и санитарных мер, принятых в Измире. Станислав Бонковский был одет в дождевик неразличимого по ночному времени цвета и пиджак, не совсем удачно

сидящий на высокой сутулой фигуре, а в руке держал знакомый всем его ученикам светло-серый портфель, который вот уже тридцать лет всюду таскал с собой. Его помощник, доктор Илиас, тащил сундук с переносной лабораторией, позволявшей везде, куда бы ни отправился Бонковский-паша, распознавать холерные эмбрионы и чумные палочки, отличать загрязненную воду от питьевой в любом уголке империи. Не поздоровавшись с любопытными пассажирами «Азизийе», их новые попутчики прошли в свои каюты.

Необщительность и отстраненность вновь прибывших еще сильнее разожгли любопытство членов делегации. В чем причина такой скрытности? Зачем султан отправил в Китай на одном корабле сразу двух лучших в Османской империи специалистов по чуме и эпидемиям? (Вторым был дамат Нури.) Однако вскоре любопытные пассажиры узнали, что Бонковский-паша и его помощник не едут в Китай, а по пути к Александрии сойдут на острове Мингер, и вернулись к своим делам. За предстоящие три недели им надлежало обсудить, как именно следует толковать об исламе с китайскими мусульманами.

О том, что в Измире на пароход сел Бонковский-паша, который держит путь на Мингер, дамат Нури узнал от жены. Оба они были знакомы с пашой, хотя познакомились с ним в разное время и при разных обстоятельствах, оба любили его и потому были рады его соседству. В последний раз доктор Нури виделся с коллегой, который был двадцатью с лишним годами старше его, на Венецианской санитарной конференции. Но дороги их пересеклись еще в те времена, когда юный Нури учился в Военно-медицинской школе, а Бонковский преподавал ему химию. Подобно многим другим студентам, Нури благоговел перед учителем, получившим образование в Париже, и с величайшей охотой посещал его занятия в химической лаборатории,

а позже — лекции по органической и неорганической химии. Все студенты-медики восхищались разносторонностью Бонковского, который своим интересом к великому множеству предметов напоминал человека Возрождения, его чувством юмора и тем, что помимо разговорного турецкого он в совершенстве знал еще три европейских языка. Происхождения он был, как уже упоминалось, польского, хотя и родился в Стамбуле: его отец, как многие другие офицеры, принимавшие участие в разгромленном восстании поляков против Российской империи, отправился в изгнание и поступил на службу в османскую армию.

Что же до Пакизе-султан, то ей радостно было вспомнить, как она виделась с Бонковским в детстве и юности. Одиннадцать лет назад во дворце, где жила, как в тюрьме, ее семья, распространилась болезнь, от которой слегли в мучительном жару и мать Пакизе, и другие обитательницы гарема. Султан Абдул-Хамид, решив, что причиной повальной хвори стал какой-то микроб, отправил во дворец своего главного фармацевта — взять у больных анализы. В другой раз Бонковский-паша посетил дворец Чыраган, когда ему было поручено проверить воду, которую каждый день пили Пакизе-султан и ее семья. Абдул-Хамид держал своего старшего брата, свергнутого султана Мурада V, под стражей во дворце Чыраган, следил за каждым его шагом, но, стоило тому заболеть, посылал к нему лучших врачей. В детстве Пакизе-султан не раз видела в покоях дворца, в том числе и в гареме, чернобородого грека Марко-пашу, главного врача отцовского дяди, убитого заговорщиками султана Абдул-Азиза, и лейб-медика самого Абдул-Хамида, Маврояни-пашу.

— Несколько лет спустя я встретила доктора Бонковского во дворце Йылдыз¹⁰, — сказала Пакизе-султан. — Он брал там пробы воды и писал об этом доклад. Увы, он лишь издалека улыбнулся нам с

сестрами и не стал рассказывать увлекательные истории и мило шутить, как бывало в нашем детстве.

Встречи дамата Нури с главным фармацевтом султана носили куда более официальный характер. На Венецианской конференции трудолюбие и опыт Нури-бея произвели впечатление на его старшего коллегу.

— Возможно, именно Бонковский-паша был одним из тех, кто хвалил меня как хорошего эпидемиолога в разговорах с султаном, — взволнованно сказал доктор Нури жене и напомнил ей, что их с пашой пути сходились и после того, как он, Нури, окончил Военно-медицинскую школу и стал врачом.

Однажды по поручению Блака-бея¹¹ они проверяли санитарное состояние скотобоен, размещавшихся прямо на стамбульских улицах. В другой раз Нури-бей с несколькими врачами и студентами помогал Бонковскому подготовить доклад о топографических и геологических особенностях озера Теркос¹², для чего, в частности, требовалось провести микробиологический анализ озерной воды, и снова был восхищен умом, работоспособностью и трудолюбием маститого ученого. Обменявшись приятными воспоминаниями, супруги поняли, что им хочется снова увидеться со старым знакомым.

⁶ «Мессажери маритим» — французская пароходная компания, основанная в 1851 году императором Наполеоном III.

⁷ Кавук — традиционный головной убор, на который наматывалась чалма.

⁸ Дамат (букв. зять) — титул, присваивавшийся в Османской империи мужчинам, женившимся на родственницах султана.

⁹ Измир — крупный порт на западном побережье полуострова Малая Азия.

¹⁰ Дворец Йылдыз — резиденция султана Абдул-Хамида II.

¹¹ Эдуар Блак (1824–1895) — османский дипломат французского происхождения. В конце жизни был главой муниципалитета стамбульского района Пера (современный Бейоглу).

¹² Теркос (Дурусу) — озеро в 45 километрах к северо-западу от Стамбула.

Глава 2

Через стюарда дамат Нури передал паше записку, и вечером капитан устроил для них ужин в каюте, которую на «Азизийе» называли салоном. Ни вина, ни иных спиртных напитков не подавали. Присоединилась к трапезе и Пакизе-султан, которая обычно не показывалась на глаза пассажирам и ела у себя в каюте. Напомним, что в те времена женщина, будь она даже дочерью султана, чрезвычайно редко садилась за один стол с мужчинами. Все увиденное и услышанное в тот вечер Пакизе-султан позже изложила в письме старшей сестре, благодаря чему сегодня мы знаем все детали исторического ужина.

Бонковский, бледный, с небольшим, аккуратным носом и огромными голубыми глазами, навсегда запоминавшимся всем, кто хоть раз с ним встречался, при виде доктора Нури поспешил заключить в объятия бывшего студента. Затем он церемонно, словно принцессе, принимающей его в каком-нибудь европейском дворце, поклонился Пакизе-султан, но, не желая смутить, даже не прикоснулся к ее руке. Одеваясь к ужину, главный санитарный инспектор, верный европейскому этикету, надел орден Святого Станислава второй степени, полученный от русского царя, и любимую османскую награду, золотую медаль «За отличие».

— Дорогой учитель, — заговорил доктор Нури, — позвольте мне выразить свое восхищение вашими успехами в Измире.

С тех пор как газеты стали писать, что вспышка чумы в Измире затухает, Бонковский-паша услышал немало поздравлений, которые, как и сейчас, неизменно встречал застенчивой улыбкой.

— Примите и вы мои поздравления! — сказал он, взглянув прямо в глаза доктору Нури.

И тот тоже улыбнулся, сообразив, что паша поздравляет ученика, много лет боровшегося с эпидемиями в Хиджазе¹³, а затем представлявшего Османскую империю на международных конференциях, не с успехами в этих его трудах, а с тем, что тот взял в жены представительницу Османской династии, дочь султана. Абдул-Хамид выдал племянницу за выдающегося, прославленного своими свершениями врача, однако после свадьбы эти заслуги Нури-бея отошли на второй план, в нем стали видеть в первую очередь человека, породнившегося с султаном.

Впрочем, дамам Нури очень скоро свыкся с подобным положением дел. Он был слишком счастлив, чтобы его задевали такие мелочи. К тому же он очень уважал учителя, умеющего трудиться по-европейски, дисциплинированно и методично (эти два слова, заимствованные из французского языка, были очень любимы просвещенными людьми Османской империи). Ему захотелось сказать Бонковскому что-нибудь приятное:

— Покончив с эпидемией в Измире, вы показали всему миру, как хорошо работает османская карантинная служба! Замечательный ответ всем тем, кто называет нашу империю «больным человеком Европы». Холеру мы еще не искоренили, однако вот уже восемьдесят лет в османских владениях не бывало серьезной эпидемии чумы. Раньше говорили, что Османскую империю отделяет от ушедшей на двести лет вперед цивилизованной Европы не Дунай, а именно чума. А теперь благодаря вам карантин и медицинская наука покончили с этим разделением!

— К сожалению, чума замечена на Мингере, — сказал Бонковский-паша. — И вирулентность у нее чрезвычайно высокая.

— Что?!

— Да, паша, чума проникла в мусульманские кварталы на Мингере. Не удивляйтесь, что вы ничего такого не слышали, пока готовились к свадьбе, — вести об этом скрывают. Кстати, о свадьбе. Мне очень жаль, что я не сумел откликнуться на ваше приглашение, но у меня есть оправдание. Я не мог уехать из Измира.

— Я слежу за тем, как свирепствует эпидемия в Гонконге и Бомбее, читаю все, что об этом сейчас пишут.

— Положение еще хуже, чем пишут, — уверенно заявил Бонковский-паша. — И в Китае, и в Индии тысячи людей убивает один и тот же микроб. Это одна и та же болезнь. И в Измир пришла именно она.

— Но в Индии эпидемия уносит огромное количество жизней... А в Измире вы ее остановили.

— Дело в том, что в Измире нам помогало местное население и газеты, — проговорил Бонковский-паша и немного помолчал, давая понять, что собирается сообщить нечто важное. — В Измире болезнь затронула греческие кварталы. К тому же измирцы — люди весьма просвещенные и цивилизованные. А на острове Мингер чума замечена главным образом в мусульманских кварталах, и уже погибло пятнадцать человек! Там нам будет куда тяжелее.

Доктор Нури по собственному опыту знал, что мусульман сложнее заставить соблюдать карантинные ограничения, чем христиан. С другой стороны, он уже устал от преувеличений, которые допускали медики-христиане, такие как Бонковский-паша, рассуждая об этой проблеме. Спорить он не стал. Неловкое молчание затянулось, и, чтобы нарушить его, Пакизе-султан произнесла, обращаясь будто бы к капитану:

— Споры на эту тему не утихают.

— Вам, конечно, известна история бедняги доктора Жан-Пьера! — произнес Бонковский-паша с улыбкой

желающего пошутить учителя. — Поскольку его величество считает вопрос об эпидемии чумы на Мингере политическим, я должен скрывать от всех, с какой целью еду на остров. Об этом меня несколько раз предупреждали и его приближенные, и губернатор Мингера Сами-паша. Кстати, я знаю его с давних пор, когда он еще руководил каза, а позже — санджаком¹⁴.

— Пятнадцать смертей — большая цифра для маленького острова! — сказал доктор Нури.

— На эту тему я не могу беседовать даже с вами, паша. Запрещено! — развел руками Бонковский и с улыбкой кивнул в сторону Пакизе-султан, словно предупреждая: «Осторожно, шпион!», а затем заговорил с ней тоном доброго дядюшки, тоном, которого придерживался много лет назад при встрече с воспитанными на европейский манер османскими принцессами в театре дворца Йылдыз или же на приеме по случаю визита кайзера Вильгельма, пусть и сохраняя известную дистанцию. — Впервые в жизни вижу, чтобы дочери султана позволили выехать за пределы Стамбула, — сказал он с преувеличенным удивлением. — Представительницы Османской династии пользуются все большей свободой и европеизируются!

Когда письма Пакизе-султан будут опубликованы, читатели увидят, что она уловила скрытую в этих словах иронию, даже насмешку. Умом и тонкостью восприятия она не уступала своему отцу Мураду V.

— Паша, — ответила она Бонковскому, — я предпочла бы скорее отправиться в Венецию, нежели в Китай.

И разговор перешел на Венецию, где бывали и Бонковский-паша, и доктор Нури.

— Я слышала, что там, как и у нас на Босфоре, из одного здания в другое переправляются на лодках и можно даже вплыть в дом на лодке, так ли это? — осведомилась Пакизе-султан.

Потом потолковали про «Азизийе»: до чего же это

быстрое и мощное судно, какие комфортабельные на нем каюты. Этот роскошный корабль тридцать лет тому назад повелел построить для себя позапрошлый султан, Абдул-Азиз (в честь которого и назвали пароход), хотя империя тогда пребывала в долгах как в шелках. В противоположность своему племяннику Абдул-Хамиду он не жалел денег на укрепление османского флота. На пароходе имелась султанская каюта, обшитая панелями из красного дерева, блиставшая позолотой и зеркалами в роскошных рамах, такая же как на броненосце «Махмудийе». Русский капитан похвалился превосходными характеристиками своего корабля: он может принять на борт сто пятьдесят человек, а скорость развивает до четырнадцати миль в час. Как жаль, что его величество, обремененный множеством дел, уже который год все не изыщет времени, чтобы совершить на «Азизийе» хотя бы прогулку по Босфору! Все сидящие за столом знали, конечно, что султан Абдул-Хамид, опасаясь покушений на свою жизнь, старается держаться подальше от пароходов и прочих плавательных средств, но эту тему затрагивать остереглись.

Когда капитан сообщил, что до острова осталось всего шесть часов пути, Бонковский-паша поинтересовался у доктора Нури, доводилось ли тому когда-нибудь бывать на Мингере.

— Нет, ни разу, — ответил доктор. — Там ведь не случалось ни холеры, ни желтой лихорадки.

— Вот и я, к сожалению, там прежде не бывал. Однако в свое время из любопытства наводил справки об этом острове. Плиний в своей «Естественной истории» пространно повествует о его уникальной флоре, о деревьях и цветах, об отвесных вулканических склонах и окруженных скалами бухтах на северном побережье. Климат там тоже удивительный. Много лет назад я подал его величеству записку о том, что на Мингере

можно было бы выращивать розы, хотя ни разу там не бывал.

— И что же? — любопытствовала Пакизе-султан.

Бонковский-паша задумчиво улыбнулся. Пакизе-султан подумала, что даже ему, должно быть, пришлось пострадать от подозрений мнительного султана, и перевела разговор на предмет, который уже несколько раз успела обсудить с мужем: случайно ли два лучших в Османской империи эпидемиолога однажды в полночь встретились близ Крита на личном корабле султана?

— Уверяю вас, это просто совпадение, — сказал Бонковский-паша. — Никто, даже сам губернатор Измира Кыбрыслы Камиль-паша¹⁵, не знал, что «Азизийе» окажется ближайшим кораблем, способным доставить меня на Мингер. Разумеется, я был бы не прочь отправиться с вами, чтобы убедить китайских мусульман в необходимости повиноваться карантинным ограничениям и следовать другим современным мерам. Согласиться соблюдать карантин — значит смириться с европеизацией, и на Востоке достичь этого становится все сложнее. Но пусть ваше высочество не расстраивается. Уверяю вас, в Китае тоже есть каналы, и даже более длинные и широкие, чем в Венеции, и там тоже, как на Босфоре, имеются изящные лодки, на которых можно заплывать прямо в дом.

Молодожены восхищенно смотрели на Бонковского, который, оказывается, много знает о Китае, хотя и там не бывал.

Когда ужин, не слишком долгий, подошел к концу, супруги вернулись в свою каюту, которая больше напоминала дворцовые покои. Все украшавшие ее столики, часы, зеркала и светильники были привезены из Франции и Италии.

— Вас что-то расстроило, — произнесла Пакизе-султан.
— Вижу по лицу.

Как оказалось, доктору Нури почудилась некая

издевка в том, что Бонковский то и дело называл его пашой. Этим титулом по традиции Абдул-Хамид пожаловал новоиспеченного супруга своей родственницы сразу после бракосочетания, однако тот еще ни разу так не представлялся, не чувствуя в сем необходимости. Теперь же, когда его подобным образом именовал настоящий паша, да еще и в солидных летах и чинах, человек почтенный, доктору становилось не по себе. Он чувствовал, что не заслужил такого обращения. Впрочем, решив, что Бонковский не из тех, кто стал бы вкладывать в него издевку, супруги оставили щекотливую тему.

Они были женаты тридцать дней. Оба долго мечтали о том, чтобы найти себе подходящую пару, но, не найдя, давно оставили надежду на семейное счастье. И вот благодаря внезапному решению Абдул-Хамида (от знакомства до свадьбы прошло всего два месяца) они оказались мужем и женой — и были необыкновенно счастливы. Потому, несомненно, что оба, неожиданно для самих себя, получали огромное наслаждение от физической близости. С тех пор как пароход вышел из Стамбула, бóльшую часть времени супруги проводили в своей каюте, в постели, и это казалось им вполне естественным.

Под утро они проснулись от корабельного гудка, похожего на стон. За окном было еще темным-темно. Ночью «Азизийе» прошел вдоль горного хребта Эльдост, чьи острые вершины тянутся с севера на юг острова, и, когда бледный огонек Арабского маяка уже можно было различить невооруженным взглядом, повернул на запад, к Арказу, самому крупному городу и столице Мингера. В небе сияла огромная луна, серебристо блестело море, и потому было достаточно светло, чтобы пассажиры из своих кают могли разглядеть в сумраке за крепостью силуэт Белой горы, самого загадочного вулкана Средиземноморья.